

Дионисия воплотилась в тип символической образности (особенно в тип несходного образа) и стала образным, зиждящемся на интуиции путём постижения истины.

Его теория образа – символа стала определяющей для многочисленных поколений философов на протяжении длительного пути культурного развития человеческого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура.– М.: Политиздат, 1991.– С. 247.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х т.– М., 1983.– Т. 4.– С. 148-149.
3. Асмус В. Платон. – М., 1975.– С. 31.
4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии.– М., 1993.– С. 96.
5. Тахо-Годи А.А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // Вопросы классической литературы.– М., 1980.– Вып.7.– С. 27 – 28.
6. Рубцов И.Н. Символ в искусстве и жизни.– М., 1991.– С.7.
7. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии.– М., 1993.– С. 663.
8. Сочинения Псевдо – Дионисия: Migne J.P. Patrologiae cursus completus. Series graeca (P.G.).Fr. IX, 1. 1105.
9. Migne J.P. Op.cit.(PG). T.91, 604 BC.

Поступило в редакцию 28.03.2002 г.

*Космеда Т.А.
(Львов, Украина)*

РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В «ДНЕВНИКЕ» Т.Г.ШЕВЧЕНКО: ПОСИДЕЛКИ, САМОВАР

Лингвистический концептуализм как формирующаяся парадигма имеет культурологическую направленность и объединяет в себе различные аспекты ряда историко-лингвистических и историко-культурных наук (исторической семантики, этимологии, истории, культуры, философии, психологии). Лингвистический концептуализм на современном этапе его изучения представлен, как известно, несколькими разновидностями. Он, например, основывается на противопоставлении концептов познания и художественных концептов, связанных с проблемой искусства слова. Если концепты познания выражают общности, то художественные концепты – индивидуальное. Здесь имеет место противопоставление философских категорий обобщенности и единичности. В этой связи возникает вопрос об исчисляемости концептов. Такие исследователи, как А.Вежбицкая, Ю.С.Степанов, полагают, что список концептов закрыт. Например, Ю.С.Степанов отмечает, что количество концептов достигает всего четырех-пяти десятков, а духовная культура состоит из операций с этими концептами. В число этих «сверхконцептов» включаются такие, как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Слово», «Любовь», «Вера». Богатство абстрактной лексики не позволяет ограничивать репертуар концептов столь небольшим набором. С другой стороны, Анна Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считает всего три концепта: «Судьба», «Тоска», «Воля», тем самым еще более ограничивая перечень сверхконцептов русской культуры. Очевидно, существующие в языке смыслы можно свести путем обобщения к названным концептам. Сегодня же в лингвистике существует проблема фиксации индивидуальных концептов, с целью уточнения списка концептов

сверхабстрактных. В связи с этим интерес представляет проблема изучения концептосферы отдельных языковых личностей. Такими личностями должны стать крупные писатели, к коим принадлежит и Т.Г.Шевченко.

Материалом настоящего исследования служит дневник Т.Г.Шевченко, именуемый им «Журналом». Дневник, как известно, написан великим поэтом на русском языке. Сам по себе этот факт уже подвергался анализу и не имеет однозначного объективного объяснения. Нас же интересует концептосфера художника, выраженная его языковым сознанием на русском, неродном для писателя языке, но репрезентированная в таком специфическом жанре литературы, каким является дневник. Напомним, что это литературно-бытовой жанр, фиксация увиденного, услышанного, внутренне пережитого события, только что происшедшего. Дневник пишется для себя и не рассчитан на публичное восприятие, в нем фиксируются в большей степени явления из личной жизни, представленные в монологической форме, хотя может возникать полемика с самим собой, с вымышленным оппонентом. Эти признаки дневника стали причиной его распространения в художественной литературе, особенно в конце XVIII – начале XIX веков, когда повысился интерес к внутреннему миру человека, его душе.

«Дневник» Т.Г.Шевченко – самобытный исторический и духовный документ, поэтому и концепты, представленные в нем, также своеобразны, отражают объективное и субъективное, они одновременно являются индивидуальными, однако и обобщают опыт эпохи, они и понятийные, и художественные, т.е. носят некий синкретический характер.

Напомним также, что с 70-ых годов XX века в лингвистике нашло широкое распространение мнение о том, что «ни одна лингвистическая теория не может обойти вопроса о психической реальности своих объектов» [3, с.41]. Подобная точка зрения обязывает рассматривать не только то, как говорит человек и какие знания о языке он при этом использует, но и ответить на вопрос, «каким образом говорящий выбирает содержание своих данных» [2, с.126]. Под этим выбором понимается способ подготовки задумываемой человеком мысли к ее языковому оформлению. Для того чтобы более полно отразить весь порождающий процесс, следует проследить влияние и воздействие языка на этапах вербализации мысли, или сообщаемого. Положение о том, что данный процесс затрагивает осмысление опыта и его интерпретацию, разделяется сегодня многими представителями когнитивной науки. Красной нитью проходит это, например, в работах У.Чейфа. Он подчеркивает, что процесс вербализации в самом общем виде может быть разделен на три типа: 1) говорящий каким-то образом подготавливает задумываемое им сообщение; 2) учитывает особенности своего собеседника (его состояние, активность его сознания в текущий момент, его опыт, интерес и т.п.); 3) принимает во внимание «навязываемый ему языком способ изложения данных (те или иные синтаксические структуры и т.п.)» [4, с.38-39]. Однако если спроецировать выделенные У.Чейфом три типа вербализации на шевченковский текст, то в его «Дневнике» действенным окажется последний, однако здесь следует учитывать и влияние родного, украинского языка. Ср.: *Вечером был у Семена и не застал дома. Гульвиса!* [5, с.275]; *Был в Эрмитаже один без Семена. Его утомила вчера античная галерея и древности, и он отказался мне сопутствовать. Ледацо!* [5, с.269]; *Вечер провел у Галагана. Он прочитал описание своего будынка, збудованного им в старом малороссийском вкусе в Прилуцком уезде* [5, с.265]; *Возвращаясь на пароход, я увидел с*

правой стороны от дороги памятник, воздвигнутый над костями убитых при взятии Казани царем Иваном Лютым. Это усеченная пирамида с портиками, поставленная будто бы на том самом месте, где стоял шатер царя Лютото. Печальный памятник [5, с.179].

Как видим, украинизмы Т.Г.Шевченко вводит в тех случаях, когда, по его представлению, лексема родного языка обладает более прозрачной, яркой и выразительной внутренней формой, отражающей именно тот концепт, который хотел выразить писатель. В последнем случае Тарас Шевченко даже переводит прозвище Ивана IV Грозного. Видимо, *Лютый* обладает, по мнению Т.Г.Шевченко, более насыщенной отрицательной информацией. Такое словоупотребление – перевод, безусловно, является окказиональным.

Подтверждением того, что Т.Шевченко обращал большое внимание на способы выражения культурных концептов, отражающих ментальность народа, является его рассуждение о целесообразности заимствований. Предметом рассуждения стали лексемы *клуб* и *посиделки*. Прежде чем привести контекст из дневника, отметим, что в словаре В.И. Даля, который отражает языковое сознание носителей русского языка XIX века, при лексеме *клуб* после указания на происхождение слова из английского языка дается такая информация: «...собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении, для беседы и увеселений; есть и политические клубы, общества, товарищества» [1, т.2, с.302]. От русского глагола *посидеть* в русском языке образованы такие существительные, как *посидень*, *посиделка*, *посиделки*, *посиденки*, *посидки*, *посидухи*, *посидни*, *посидушка*. Наличие достаточно большого количества суффиксальных образований свидетельствует, что для русского человека концепт, выраженный этой лексемой, является характерным. Ср.: *посиделки* – «сборище крестьянской молодежи, по осенним и зимним ночам, под видом рукоделья, пряжи, а более для рассказней, забав и пьесен, вечерки, вечерницы пажки, супрядки западн., беседки, заседки, досветки, дозорьки» [1, т.3, с.864-865]. То, что концепт *посиделки* является важным для русской культуры, подтверждается наличием довольно большого количества пословиц, включающих его. Они отмечены в указанной словарной статье В.И.Даля. Ср.: «Женатые на посиделки не ходят. Женатого с посиделок веретеном гонят. Женится, не постригся, а от посиделок отпрекся. За постой деньги платят, а посиделки даром (говорят ламливому гостю). Вообще посиделки начинаются с летопроводца (с 1 сент.), сменяя собою хороводы, и длятся до Благовещенья, когда уже более не засиживают, не работают ночами, не держат огня». Ср. также: «Посиденок при. также собранье девицу невесты, при женихе, перед девичником. Посиденье – действия или состояние по глаголу посидеть. Пришел на посиденье» [1, т.3, с.864-865]. Т.Г.Шевченко имел в виду, очевидно, последнее значение, когда рассуждал о ненужности русскому языку английской лексемы *клуб*, поскольку считал, что *клуб* – концепт, чуждый русской культуре. Ср. из текста дневника: *Русские люди, в том числе и нижегородцы, многим одолжились от европейцев и, межсоупрочим, словом «клуб». Но это слово совершенно не к лицу русскому человеку. Им бы лучше было одолжиться подобным словом, – а оно, верно, существует в китайском языке, – одолжиться бы у китайцев и японцев, если они отпринули свое родное слово посиделки, удивительно верно изображающее русские дворянские сборища. У европейцев клуб – важное политическое значение, а у русских дворян это даже и не мирская сходка, а*

просто посиделки. Они собираются посидеть за ломбардными столами, помолчать, поест, выпить и, если случай поблагоприятствует, то и по сулам друг друга смазать [5, с.195].

Таким образом, как видим, Т.Г.Шевченко не связывает концепт *посиделки* с той информацией, которая имеется в словаре В.И.Даля, ибо здесь имеет место культурный концепт, отражающий народную (крестьянскую) жизнь.

Т. Шевченко под *посиделками* имеет в виду собрания дворян, отражающие их праздную жизнь. В его мировоззрении *посиделки* вызывают такие ассоциации, как «русское», «дворянство», «пустое», «праздное», «безделье», «сытно», «поест», «выпить», «подраться». Принципы членения ситуации, явления, о которых рассказывает Т.Г.Шевченко, размышляя с самим собой, связаны не только с его предыдущим опытом, но и с его языковыми знаниями. Когнитивная структура при этом коррелируется с речевой. Предполагается, что в процессе создания высказывания человек мысленно, а в дневнике и письменно, подводит сообщаемое под известный стереотип, осмысливая его как просьбу или запрос информации, как рассказ или инструкцию и т.п. Приведем пример подобного рассказа-инструкции из дневника Т.Г.Шевченко о том, откуда русская творческая личность берет вдохновение. Здесь используются в качестве ключевых концепты *самовар* и *чай*. Ср.: *...медный чайник ...делается необходимым для моего журнала, как журнал для меня. Без чайника, или без чаю, я как-то лениво, бывало, принимался за сие рукоделье. Теперь же, едва успею налить в стакан чай, как перо само просится в руку. Самовар – тот шипеньем своим возбуждает к деятельности, это понятно. Правда, я не имел случая испытать на себе это благодетельное влияние самовара. Но имел случай существенно убедиться в этом волшебном влиянии на других. А именно: был у меня во время оно приятель в Малороссии, некто г. Афанасьев, или Чужбинский. В 1846 году столкнула нас судьба в «Цареграде», не в Османской столице, а в единственном трактире в городе Чернигове...; Я знал его как самого неистового и неистощимого стихотворца, но не знал скрытого механизма, которым приводилось в движение это неутомимое вдохновение. И тогда только, когда поселились мы, во избежание лишник расходов, во-первых, а во-вторых, чтобы как товарищи по ремеслу созерцать друга во все минуты дня и ночи, – тогда только узнал тайную пружину, двигающую это истинно неутомимое вдохновение. Пружина эта была – шипящей самовар. Сначала я не смог взять в толк, почему мой товарищ по ремеслу не спросит, когда ему вздумается, стакан чаю из буфета, как я это делаю, а непременно велит подать самовар. Но когда я рассмотрел приятеля поближе, то оказалось, он собственно не самовар велел подавать, а велел подавать вдохновение или пружину, приводящую в движение эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда, из какого источника вытекают у него такие громадные стихотворения, а оказалось, что ларчик просто отворялся», – такова запись Т.Г. Шевченко от 2 июля 1857 года [5, с.112-113]. Приведенный текст можно считать одой русскому самовару, хотя из дальнейшего контекста мы понимаем, что здесь присутствует ирония. Концепт *самовар* построен на ассоциациях «русский», «приятный», «удовольствие», «вдохновляющий». Ср. в словаре В.И. Даля: *Самовар, самоварец, самоварчик; самоваришка, самоварица – водогрейный, для чаю, сосуд..., шутч. самодур, самограй**

ярс.-полт., самовар, вят., кур. самогрей или кур. самокитец [5, с.17].

В словаре В.И. Даля интересно представлен концепт чай, с которым Т. Шевченко связывал самовар прежде всего. Ср.: *Чай и (да) сахар, и: чай с сахаром! (пожелание, как: хлеб-соль...) не просят на водку, а просят на чай [Давать на чай, – на чаек: хорошее дело давать на чай]. На Руси никто еще чаем не подавился, когда попадет в чашку стебелек. Чай в – накладку, чай в – прикуску, а шупл. и в – прилизку и в – приглядку. Чай с позолотой с ромом. Звать на чай, на – вечер. Вместе чай пить в трактире (продать что-либо, заключить обязательство). По чаям ходить, добру не быть, по трактирам. Где чаи, там и немощи. Такой чай, что сквозь него Кронштадт виден (из Питера) или: Москву насквозь видно! Этот – чай – ай, ай, ай! Не чай, а ай. Заставили нашего брата чай без сахару пить! По-купецки чай пьет, да не по-купецки расплачивается. Хлебца купить не на что: с горя чаёк попиваем! Подмосковица. Где нам, дуракам, чай пить! Напоить крепким чаем (отправить)* [5, с.1281]. Как видим из словарной статьи, концепты чай и самовар тесно связаны в русском языковом сознании. Более того, чай включает в себя аксиологически противоположные смыслы: «хорошо» и «плохо». Видимо, зная эту особенность русской ментальности, свою оду самовару Т.Г. Шевченко заканчивает иронической хвалой самовара, который ему дорого стоил, т. к. Афанасьев-Чужбинский занял у Шевченко деньги на плату за пользование самоваром, обещая их вернуть, но так этого и не сделал. После такой информации становится ясно, почему Т.Г. Шевченко несколько раз указывал на такую функцию самовара, как его *штение*, которое содержит отрицательную семантику. Кроме того, после ссылки в сознании Т.Г. Шевченко выработалось резко отрицательное отношение ко всем военным. Дабы подчеркнуть свое негативное отношение к г-ну Чужбинскому, он отмечает, заканчивая свою запись в дневнике от 2 июля 1857 г.: *Я уверен, что, если бы Афанасьев не был прежде уланом, он мог бы писать стихи без помощи самовара и ль: бы с ним расстались иначе* [5, с.115].

Таким образом, *посиделки* и *самовар* в сознании Т.Г. Шевченко обозначены скорее как отрицательные, а не положительные концепты русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 1998. – Т.2. – С.302. – Т.3. – С.864-865.
2. Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М., 1987. – С.126.
3. Степанов Ю.С. Слово // Philologia. – 1994. – Vol.1. N.1/2. – С.41.
4. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII. – С.38-39.
5. Шевченко Т. Журнал // Шевченко Т. Повна збірка творів в трьох томах. – К., 1949. – Т.3. – С.17. 112-113, 115, 179, 195, 265, 269, 275, 1281.

Поступило в редакцию 3 04.2002 г.